

Лебедев А. П. Сущность христианства по изображению церковного историка Адольфа Гарнака: Из университетских лекций по истории Церкви // Богословский вестник 1901. Т. 3. № 12. С. 650–671 (2-я пагин.). (Окончание.)

„Сущность Христианства“, по изображению церковного историка Адольфа Гарнака ¹⁾.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

Теперь продолжимъ изложеніе взглядовъ Гарнака, поскольку они касаются все той-же греко-восточной церкви.

Гарнакъ пишетъ, подводя итоги прежде изложеннаго и точнѣе опредѣляя свою точку зрѣнія на указанную церковь: „мы разъяснили, что, какъ религія, греческій каеолицизмъ характеризуется двумя элементами: традиціонализмомъ и интеллектуализмомъ“. Традиціонализмъ, поясняетъ онъ, являясь охранителемъ преданнаго наслѣдія и врагомъ всякой новизны, почитаетъ такой образъ дѣйствія не только за что-то важнѣйшее въ религіи, но и прямо осуществленіемъ самой религіи. Но это — чисто античное (языческое) мышленіе, чуждое Евангелія. Второй элементъ—интеллектуализмъ тоже эллинскаго происхожденія. Этотъ интеллектуализмъ крѣпко держится убѣжденія, что христіанская религія есть религія абсолютная, что она должна давать указанія при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ метафизики, космологіи и исторіи; онъ взираетъ на откровеніе, какъ на неизчерпаемое множество догматовъ и опредѣленій, равно священныхъ и важныхъ,—но въ этомъ же заключается и эллинскій интеллектуализмъ. Ибо съ точки зрѣнія этого послѣдняго „познаніе“ есть высшая цѣль, и духъ только постольку и можетъ именоваться духомъ, поскольку онъ является познающимъ субъектомъ. Все эстетическое, этическое и религіоз-

¹⁾ Окончаніе. См. „Богосл. Вѣстникъ“, Ноябрь стр. 429—445.

ное должно разрѣшаться въ „знаніе“, съ которымъ потомъ въ точности должна сообразоваться воля и жизнь.

Здѣсь, въ выводѣ, Гарнакъ какъ будто говоритъ больше того, что имъ сказано въ послылкахъ, но не будемъ останавливаться на мелочахъ.

Изъ догматовъ греко-восточной церкви нѣмецкій историкъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ останавливается лишь на христологическомъ ученіи. Въ первыхъ же строкахъ, въ которыхъ онъ начинаетъ изложеніе этого вопроса, читатель встрѣчаетъ слѣдующую малоожиданную выходку: все построение церковной христологіи стоитъ за предѣлами конкретной (т. е. дѣйствительной) личности Иисуса Христа. Главнымъ недостаткомъ этого ученія онъ считаетъ то, что церковные учителя для опредѣленія сущности и достоинства Христа избрали понятіе „Логось“. Понятіе „Мессія“ для нихъ, разсуждаетъ Гарнакъ, было совершенно непонятно (!), было ничего не говорящимъ словомъ. Имъ приходилось импровизировать новые понятія, но этого сдѣлать они не могли, а поэтому имъ оставалось сдѣлать выборъ изъ готоваго матеріала: или представлять Христа обоженнымъ человѣкомъ, слѣдовательно героемъ, или мыслить о Его сущности по схемѣ одного изъ греческихъ боговъ, или же наконецъ отождествлять Его съ „Логосомъ“. Оба первые выходы изъ трилеммы были отвергнуты: они были или по крайней мѣрѣ казались „язычествомъ“. Итакъ оставался „Логось“. Формула эта представляла многія выгоды для богословствующей мысли, но съ другой стороны таже формула имѣла свою собственную логику, а логика эта приводила во всѣхъ отношеніяхъ (!) къ невысказаннымъ выводамъ. Понятіе Логоса вообще могло имѣть смыслъ очень различный. Отсюда объясняются чудовищные споры о природѣ Христа-Логоса, которые наполнили собою многія столѣтія. Отсюда же объясняется, почему (св.) Аванасій такъ жарко спорилъ, защищая формулу: Логось-Христось единосущенъ съ Отцемъ, какъ будто дѣло шло о томъ—быть или не быть христіанской религіи. Греческая церковь еще донинѣ остается при убѣжденіи, что ея христологія составляетъ сущность христіанства и является раскрытой тайной. Критика подобнаго ученія, замѣчаетъ Гарнакъ, вовсе не трудна (!). Все это ученіе принято быть не можетъ (!), потому что едвали оно

находится въ какой нибудь связи съ Иисусомъ Христомъ Евангелія и формулы его не подходятъ къ Его личности. слѣдовательно оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Эллинская религіозная философія и ея интеллектуализмъ, — подчеркиваетъ еще разъ Гарнакъ, — приводили къ неправильнымъ формуламъ, поставившимъ выдуманнаго (?) Христа на мѣсто дѣйствительнаго и пролагавшимъ, кромѣ того, путь къ самообману, что будто обладая правильною формулою, уже съ тѣмъ вмѣстѣ обладаетъ и самымъ объектомъ (die Sache). Извѣстно, что дѣло дошло до того, что появилось ученіе о Христѣ, какъ лицѣ съ двумя природами и двумя волями. Вотъ до какого требованія простерся интеллектуализмъ! восклицаетъ Гарнакъ. Да читаются ли наконецъ евангельскія повѣствованія о женѣ хананейской и сотникѣ капернаумскомъ?

Всѣ подобныя lamentаціи Гарнака, скажемъ мы, проистекаютъ почти исключительно оттого, что онъ отвергаетъ подлинность Іоаннова евангелія и произвольно исключаетъ изъ остальныхъ евангелій то, въ чемъ эти послѣднія подкрѣпляютъ свидѣтельства произведенія любимаго ученика Христа. Нѣмецкій ученый плачетъ о томъ, что собственно ручно выбросилъ, мняся службу приносить наукѣ.

Съ традиціонализмомъ и интеллектуализмомъ стоитъ въ связи еще одинъ элементъ, — это ритуализмъ. Общеніе съ Богомъ въ греко-каѳолической церкви происходитъ посредствомъ мистерическаго (?) культа, сотенъ болѣе или менѣе рѣшительныхъ формулъ, знаковъ, образовъ и освящающихъ чиновослѣдованій, которые сообщаютъ божественную благодать и приготавливаютъ къ жизни вѣчной, если къ нимъ прибѣгаютъ съ чувствомъ послушанія и если дѣйствія совершаются съ полною точностію. А съ ученіемъ (?) остаются совсѣмъ незнакомыми, потому что знаютъ о немъ только изъ литургическихъ возгласовъ или отрывочныхъ изреченій (!). Нѣтъ другого болѣе печальнаго зрѣлища, сѣтуетъ Гарнакъ, какъ видѣть превращеніе христіанской религіи изъ богослуженія „въ духъ и истинѣ“ въ богослуженіе знаковъ, формулъ и идоловъ (!!). Такое явленіе наблюдаемъ не у народовъ только, стоящихъ на низкой степени религіознаго и умственнаго развитія—не у коптовъ только и абиссинцовъ, но не въ лучшемъ состояніи обрѣтается дѣло — у

сирийцевъ, грековъ и русскихъ... Затѣмъ Гарнакъ разсуждаетъ: гдѣ мы найдемъ въ проповѣди Иисуса хотя бы малый слѣдъ того, что ритуальъ нужно соблюдать со всею пунктуальностію, что нужно воздвигать иконы и въ однажды принятомъ порядкѣ бормотать возгласы и молитвословія? Не для уничтоженія ли этого рода религіи Иисусъ Христосъ пригвождается на крестѣ? И вдругъ отъ Его имени и въ силу Его авторитета эта самая религія теперь опять возстановляется! Да, церемоніаль въ греческой церкви господствуетъ во всемъ. Такимъ путемъ совершается возвращеніе къ античной формѣ религіи низшаго порядка; на обширномъ пространствѣ греко-восточнаго христіанства духовная религія почти заглохла. Христіанство избрало своимъ девизомъ: „религія есть культъ и больше ничего“.

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Гарнака, кажется, нельзя находить ничего другого, кромѣ новыхъ краснорѣчивыхъ вариаций старыхъ, давно прискучившихъ мыслей.

Въ заключеніе своей рѣчи о греко-каѳолической церкви историкъ старается указать: что сколько нибудь отраднаго можно открывать въ положеніи этой церкви. Наилучшимъ, наиболѣе надежнымъ элементомъ данной церкви онъ готовъ считать монашество, по крайней мѣрѣ монашество прежнихъ временъ. Монашество, по возрѣнію Гарнака, могло бы оказать сопротивленіе и задержать развитіе традиціонализма, интеллектуализма и ритуализма (все это, какъ извѣстно, очень страшныя вещи!). Почему? Потому что монахъ, по сужденію историка, осуществлялъ, какъ думали христіане этой церкви, идеаль совершеннаго христіанина; совершеннымъ же христіаниномъ монахъ представлялся приверженцамъ православія потому (слушайте!!), что онъ „не считалъ дѣломъ необходимымъ для себя принадлежать къ церкви и принимать участіе въ освященіи, которое сообщалось отъ нея“ (!). Откровенно сознаемся,—скажемъ мы,—для насъ совершенно не понятно о какомъ-такое монашествѣ говоритъ здѣсь Гарнакъ. Вѣроятное всего, онъ говоритъ объ аскетизмѣ внѣ церковномъ, еретическомъ. А если такъ, то не удивительно, если Гарнакъ восхваляетъ этотъ родъ аскетовъ и притомъ за то, за что могъ ихъ восхвалять лишь Гарнакъ и его послѣдователи.—Продолжая описывать своихъ высокопробныхъ монаховъ, этотъ историкъ не безъ вос-

торга говорить: „здѣсь были возможны свобода, самостоятельность и живой опытъ; здѣсь удерживало свои права представлѣніе, что въ религіи имѣеть цѣнность только (!) испытанное на опытѣ, пережитое (!) и внутреннее“ (!). Очевидно Гарнакъ говоритъ о какихъ-то невѣрующихъ монахахъ. Но существовало ли такое монашество? Дѣло впрочемъ не въ этомъ, а въ томъ, что къ глубокому прискорбію берлинскаго профессора, это „идеальное“ монашество не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя можно было бы возлагать на нихъ, конечно съ точки зрѣнія нѣмецкаго истолкователя „сущности христіанства“. Въ позднѣйшія времена греко-восточной церкви монашество, по сужденію автора, измѣнило своему прежнему характеру. „Драгоценное (?) разъединеніе между церковію, объятою духомъ міра сего, и монашествомъ исчезло (истинное бѣдствіе замѣтимъ мы), и отъ того счастья (der Segen), котораго можно было ожидать, остался едва замѣтный слѣдъ. Мірская церковь не только подчинила себѣ монашество и наложила на него свое ярмо, но и въ значительной степени привнесла въ монастыри свое омѣрщеніе. (Сужденія очень напоминающія нашихъ раскольниковъ). Греческіе и вообще восточные монахи, скорбитъ историкъ, въ настоящее время сдѣлались органами самыхъ низшихъ и самыхъ худшихъ функцій церковныхъ, органами по части иконопочитанія и поклоненія мощамъ, вообще страшнѣйшихъ суевѣрій и тупоумнѣйшаго колдовства (Zaubererei).

Далѣе Гарнакъ обращается къ изложенію главныхъ своихъ похвалъ въ честь Греко-восточной церкви. Но напередъ еще разъ подвергаетъ поруганію нашу церковь. Онъ предлагаетъ себѣ вопросъ: „насколько модифицировалось евангеліе въ этой церкви и что еще сохранилось въ ней въ этомъ отношеніи“? и даетъ такой отвѣтъ. „Я не ожидаю себѣ нималѣйшаго противорѣчія (отъ кого? отъ нѣмецкихъ студентовъ?), если отвѣчу на вопросъ такой: это официальное церковничество съ его культомъ, съ его священниками, со всѣми (?) сосудами, ризами, св. угодниками, образами и амулетами, съ его постной дисциплиной и его праздниками—совершенно не имѣеть ничего (gar nichts) общаго съ религіей Христа. Все это не болѣе, какъ античная религія, одобренная немногими евангельскими понятіями; или лучше сказать: это античная религія, всосавшая въ себя еванге-

ліе“ (!!)). Но вслѣдъ затѣмъ Гарнакъ, подчиняясь неизвѣстно какой логикѣ, заявляетъ слѣдующее: „Благодареніе Богу! Въ запустѣломъ зданіи этой церковности еще сохранилась возможность новаго появленія самостоятельной (?), внутренней жизни; здѣсь также раздаются еще Христовы изреченія, достигая слуха посѣтителей храма. Въ этой церкви, не смотря на вышеуказанные недостатки, хотя и въ умѣренной степени сохраняется познаніе Евангелія. Слово Божіе, хотя его только бормочатъ священники, поставляется въ этой церкви на самомъ высокомъ мѣстѣ, и тихое вліяніе, какое оно производитъ, не подорвано. Между христіанами, будутъ ли то священники или міряне, встрѣчаются такіе, которые исповѣдуютъ Бога отцемъ милосердія и признаютъ Его руководителемъ въ ихъ жизни, а Иисуса Христа любятъ, не потому что Онъ исполненное таинственности Лице, но потому что сіяніе Его сущности отъ Евангелія проникаетъ въ ихъ сердце, и это сіяніе сообщаетъ свѣтъ и теплоту собственной ихъ жизни. Я опять пользуюсь случаемъ сослаться на прежде упомянутые нами „Деревенскіе рассказы“ Толстого, эти безискусственныя произведенія; я могу также указать на свои собственныя наблюденія и опытъ ¹⁾ въ доказательство того, что у русскихъ крестьянъ и низшаго духовенства, не взирая на иконопочитаніе и поклоненіе мощамъ, замѣчается однакожь сила искренней преданности Богу, тонкость нравственнаго чувства и дѣятельная братская любовь, происхожденіе каковыхъ слѣдуетъ относить къ Евангелію“.

А говоря о всѣхъ приверженцахъ Греко-восточной церкви (безъ различія національностей), Гарнакъ немолчно возвѣщаетъ: „конечно, это не простая случайность, что какъ скоро вообще члены этой церкви обнаруживаютъ самостоятельную (?) религіозную жизнь, вмѣстѣ съ этимъ у нихъ получаютъ видное мѣсто—преданность волѣ Божіей, смиреніе, самоотреченіе и милосердіе, а ко Христу начинаетъ относиться съ благоговѣніемъ. Вотъ черты—такъ заключаетъ свою характеристику Гарнакъ,—показывающія, что у нихъ Евангеліе еще не заглохло и что оно питаетъ вышеупомянутыя добродѣтели“...

¹⁾ Извѣстно, что Гарнакъ получилъ образованіе въ русскомъ юрьевскомъ университетѣ и свободно читаетъ по русски; возможно, что онъ и родился въ нашемъ отечествѣ.

Откровенно сознаемся, что эти послѣднія мысли насъ несколько не подкупаютъ въ пользу берлинскаго знаменитаго ученаго. Эти мысли выражены довольно-таки туманно. Съ ними можно соединять почти какой угодно смыслъ. Наприм., истолковывать ихъ въ смыслѣ апологій толстовщины, штурдизма, какого нибудь богомилства и т. д. А главное намъ совершенно неизвѣстно, чтобы Гарнакъ научно занимался исторіей греческой церкви новѣйшаго времени; равно открыто мракомъ неизвѣстности, насколько онъ начитанъ въ этой области знаній. Возможно, что онъ профанъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе то, что написано имъ въ изучаемой его книгѣ по части исторіи вышеназванной церкви, кажется, непогрѣшительно можно сказать слѣдующее: по Гарнаку, нельзя составлять себѣ никакого представленія о новѣйшемъ и современномъ состояніи Греческой церкви, подобно тому, какъ было бы не цѣлесообразно судить о состояніи русской православной церкви по какимъ-бы то ни было „Деревенскимъ разсказамъ“ Толстаго, которые такъ нравятся Гарнаку, въ смыслѣ документовъ непрекаемой важности для изученія нашей отечественной церкви.

Теперь намъ слѣдовало бы изложить сужденія Гарнака касательно римскаго католицизма и протестантства, но такъ какъ наша рѣчь слишкомъ затянулась, то мы ограничимся немногими замѣчаніями по этому поводу.

Вотъ общая характеристика католицизма, какую у него находимъ. Римская церковь есть весьма обширное и очень могущественное, очень сложное, но при всемъ томъ въ большинствѣ случаевъ объединенное созданіе, какое только когда либо появлялось въ исторіи. Всѣ силы человѣческаго духа и души (!) и всѣ элементарныя силы, какія находились во власти человѣка, участвовали въ построеніи этого зданія. Римскій католицизмъ по своей многосторонности и централизаціи далеко превосходитъ церковь Греческую.

Какъ ни отзываются панегирикомъ эти слова, но они справедливы и дѣлаютъ честь протестантскому автору, замѣтимъ мы.

Послѣ общаго опредѣленія католической церкви Гарнакъ говоритъ о недостаткахъ и о достоинствахъ ея—и послѣднихъ онъ указываетъ очень много. По части недостатковъ, онъ го-

рить о ней: традиціоналізмъ, ортодоксія и ритуалізмъ играютъ здѣсь такую же (т. е. нехорошую) роль, какъ и въ греческой церкви. Далѣе, сдѣлавшись земнымъ царствомъ, церковь эта послѣдовательно дошла до провозглашенія абсолютнаго монархизма папы и его непогрѣшимости; ибо не погрѣшимость въ сферѣ земной теократіи означаетъ тоже самое, что и совершенную неограниченность въ мірскомъ царствѣ. И если церковь не воздержалась отъ такого крайняго вывода, то въ этомъ лежитъ доказательство, въ какой мѣрѣ святое омірилось въ ней. Римскій католицизмъ, по мнѣнію Гарнака, утратилъ какую-бы то ни было связь съ евангеліемъ. Дѣло идетъ не о какихъ нибудь отступленіяхъ, но о всецѣломъ извращеніи евангелія. Религія здѣсь заблудилась на чуждыхъ ей путяхъ. Римская церковь сдѣлалась лишь отдѣломъ исторіи римскаго „мірскаго“ царства. Положеніе мірянъ здѣсь автору представляется непригляднымъ: „если прежде римскіе христіане проливали свою кровь— замѣчаетъ историкъ,—потому что они отказывались воздавать религіозное почитаніе Цезарю и презирали государственную религію, то теперь они хотя и не молятся земному владыкѣ, но за то они подчинили свои души могуществу папы-короля“.

Тяжкія вины возводитъ Гарнакъ на римскую церковь, но и на похвалы ей онъ тоже не скупится. Она воспитала, заявляетъ онъ, романо-германскіе народы и притомъ въ другомъ (конечно, лучшемъ) родѣ, чѣмъ какъ это сдѣлала восточная церковь по отношенію грековъ, славянъ и народы Востока. Въ XV вѣкѣ совершилась реформація, но римская церковь не хотѣла и не могла пойти по этой дорогѣ. Однакожь эта послѣдняя не осталась и позади, какъ случилось съ греческою церковію. Она принимала участіе въ политическихъ движеніяхъ новѣйшаго времени, и не отставала отъ духовнаго движенія, проявляя значительный интересъ къ нему. Конечно, она перестала быть руководительницей западныхъ народовъ, напротивъ даже поставляла препятствія для ихъ развитія, но и тутъ нужно сказать, что ея противодействіе заблужденіямъ и революціоннымъ проявленіямъ не оставалось безъ полезныхъ послѣдствій. Гарнакъ далѣе утверждаетъ, что христіанскіе мотивы движутъ всѣмъ развитіемъ, совершающимся подъ ея вліяніемъ, что нельзя отрицать въ ней какъ желанія поставить христіан-

скую религію въ тѣсную связь съ жизнію и придать религіозный характеръ всѣмъ отношеніямъ, такъ и заботливости ея о спасеніи (das Heil) и отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ. Римско-католическая церковь обладаетъ такою организаціею, которая дѣлаетъ ее способною приспособляться къ историческому ходу вещей: она всегда остается древнею, или же умѣетъ казаться таковою, и въ тоже время является всегда новою, замѣчаетъ протестантскій историкъ. Вообще, по пышному выраженію этого историка, это явленіе столь же величественно, какъ всемірное царство, такъ какъ римская церковь, при ея политическомъ значеніи, служить продолженіемъ римской имперіи.

Не будемъ разсматривать вопроса, насколько Гарнакъ преувеличиваетъ недостатки римской церкви и вѣрно ли онъ оцѣниваетъ достоинства ея. Это дѣло западныхъ церковныхъ историковъ, многочисленныхъ и глубоко-образованныхъ. Съ своей стороны лишь замѣтимъ: очень рѣзко бросается въ глаза желаніе Гарнака отмѣчать преимущества латинской церкви предъ греческою въ разныхъ отношеніяхъ. Но вотъ вопросъ: такъ ли хорошо онъ знаетъ исторію греческой церкви, какъ онъ знаетъ исторію римской? Сомнѣваемся, и даже очень сомнѣваемся. Вѣдь, прочитать Толстовскія „Деревенскіе рассказы“ еще не значитъ изучить характеръ и свойства греко-восточной церкви.

Не обращаемся къ разсужденіямъ Гарнака по поводу протестанства какъ религіознаго общества. Наша рѣчь въ этомъ случаѣ будетъ очень коротка. Къ достоинствамъ протестанства онъ относитъ то, что оно является въ исторіи, по выраженію его, какъ возвратъ къ первоначальному христіанству, при чемъ онъ не умалчиваетъ и о томъ, что реформація произвела нѣкоторую чистку и по отношенію этого наслѣдія. Гарнакъ прямо говоритъ, что „реформація модифицировала и устранила даже формы, существовавшія въ апостольское время, такъ по части дисциплины она уничтожила посты, церковное устройство она лишила епископата и діаконата“ и пр. Нѣмецкій историкъ такіе поступки относитъ къ достоинствамъ реформаціи; но не вѣрнѣе ли видѣтъ здѣсь прямыя недостатки, видѣтъ посягательство на священную первоапостольскую древность?

Принимая на себя личину безпристрастія, протестантскій

историкъ старается отмѣчать и недостатки, открываемые имъ въ родной ему религіозной средѣ. Перечислять эти недостатки впрочемъ было бы очень скучно. То, что Гарнакъ признаетъ недостатками въ положеніи протестантства, на нашъ взглядъ представляется не болѣе, какъ заявленіемъ странныхъ и непонятныхъ претензій со стороны историка. Приведемъ наглядный примѣръ. Гарнакъ пишетъ: „не въ теоріи только, но и въ практикѣ, въ средѣ протестантовъ, по примѣру католичества, стали различать двоякое христіанство, что не исчезло и въ настоящее время: теологъ и пасторъ *должны* принимать (протестантское) ученіе *во всей цѣлости*, должны быть *православными* (конечно, въ протестантскомъ смыслѣ); тогда какъ отъ мірянъ требуется, чтобы они лишь твердо держались главныхъ религіозныхъ истинъ и воздерживались отъ нападковъ на (протестантскую) ортодоксію. Еще недавно мнѣ рассказывали слѣдующее (*teneatis risum amisi*, невольно приходитъ это присловіе на умъ при чтеніи дальнѣйшаго повѣствованія Гарнака): одно высокопоставленное лицо позволило себѣ такъ выразиться о нѣкомъ неудобномъ теологѣ (не авторѣ ли книги?), что онъ желаетъ, чтобы теологъ этотъ перешолъ на философскій (историко-филологическій) факультетъ (очевидно рѣчь идетъ о профессорѣ теологіи), „потому что въ такомъ случаѣ—заявляю высокопоставленное лицо—вмѣсто невѣрующаго теолога мы имѣли бы вѣрующаго философа. Гарнакъ затѣмъ прибавляетъ: „подобная точка зрѣнія показываетъ, что ученіе (вѣры) такъ же и въ евангелическихъ церквахъ признается за нѣчто обязательное, и при этомъ, не смотря на его обязательность, за нѣчто столь тяжелое, что оно не требуется отъ мірянъ. Но удерживаясь на этомъ пути, протестантство, въ особенности если къ вышеуказанному присоединятся и еще какія либо недѣлости, можетъ сдѣлаться жалкимъ дублетомъ католицизма“, замѣчаетъ Гарнакъ.

Какой ужасъ! Требовать отъ профессора богословія и отъ пастора, чтобы они придерживались протестантской ортодоксіи! Гарнакъ настаиваетъ, чтобы такой безпорядокъ прекратился въ „евангелическихъ церквахъ“. И онъ конечно, прекратится, если „Сущность Христіанства“, начертанная Гарнакомъ, будетъ изучаться протестантскою молодежью, приготовляющеюся къ акту конфирмаціи. Но чтоже выйдетъ изъ

этого? Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ словахъ одного критика Гарнаковой „Сущности“, которыя мы и приведемъ нѣсколько ниже.

Книга Гарнака, какъ ни странно это кажется, возбудила восторгъ въ большой части протестантской Германіи и вызвала интересъ къ ней даже среди римскихъ католиковъ. Извѣстный профессоръ протестантской теологіи Шульцъ пишетъ: „мы удивляемся мастерству, съ которымъ Гарнакъ въ 16 небольшихъ лекціяхъ въ существѣ дѣла исчерпалъ неизмѣримый (историческій) матеріаль и обработалъ его привлекательно, талантливо, ясно и краснорѣчиво. Особенно удалась ему описаніе личности самого Иисуса (!) и оцѣнка двухъ церквей — католической и римско-католической. Тѣмъ болѣе можно пожелать, чтобы иномыслящіе теологи извлекли изъ этихъ лекцій впечатлѣніе, удостоверяющее: насколько живо и благочестиво (religiös) дѣйствительное (!) библейское христіанство, при полномъ признаніи имъ законовъ современной исторической науки и естествовѣдѣнія. Мы увѣрены съ другой стороны, что многіе образованные люди изъ протестантскаго міра, прочтя эту книгу и поставивъ ее на полку, почувствуютъ въ ихъ сердцахъ приумноженіе любви къ Евангелію (sic!) и приобрѣтутъ болѣе твердую (?) надежду на дальнѣйшее преспѣяніе реформаціонной церкви“¹⁾. Другой профессоръ, Дельбрюкъ въ одномъ журналѣ (въ „Preuss. Jahrb.“) говоритъ: „съ сердечностію и силою проповѣдника Гарнакъ (въ его книгѣ) развиваетъ ту истину, что христіанство не есть только просто религія, но что это религія абсолютная (?), и онъ доказываетъ таковую истину, какъ научное положеніе; и кто постигнетъ ее, тотъ скажется самому себѣ, что онъ нашелъ ключъ ко всемірной исторіи и къ исторіи наукъ 19-го столѣтія; что касается выгодъ отъ этой истины для индивидуальной жизни каждаго, объ этомъ нѣтъ надобности и говорить“ (!). Въ одной критической статьѣ о книгѣ, нашедшей мѣсто въ „Schwäbisch. Merkur“, между прочимъ прописано слѣдующее: „Чтенія Гарнака, въ которыхъ точность (!) и фактичность историка соединяется съ тепло-

¹⁾ Theol. Literaturzeitung. 1900, № 21.

тою и искренностію релігійознаго убѣжденія, составляютъ самое замѣчательное изъ числа того, что написано перомъ Гарнака“. Въ другомъ нѣмецкомъ періодическомъ изданіи— въ *Tägl Rundschau*—нѣкій суперинтендентъ, слѣдовательно важное духовное лице въ протестантствѣ, по фамиліи Браашъ изволилъ выразиться о книгѣ: „съ давнихъ поръ я не читалъ ни одного богословскаго сочиненія съ такимъ же великимъ удовольствіемъ. Это прекрасная (!), замѣчательная книга“. Въ газетѣ „*Protestant*“ находимъ наконецъ такой отзывъ о нейже: „по изяществу языка и ясности изображенія сочиненіе имѣетъ немного равныхъ ему, а теплота чувства и релігійозный пафосъ дѣлаютъ чтеніе книги истиннымъ назиданіемъ“ (!) ¹⁾. Профессоръ Рейнгольдъ въ предисловіи къ одной своей брошюрѣ (о ней рѣчь ниже) свидѣтельствуеъ, что въ бібліотекѣ вѣнскаго (слѣдовательно католическаго) университета книга Гарнака читалась нарасхватъ и стоило большихъ трудовъ залучить ее въ свои руки.

Но само собою понятно, что не вся же нѣмецкая литература оказалась загипнотизированною Гарнаковскимъ произведеніемъ. Нашлись лица, которыя сочли своимъ долгомъ выступить съ печатнымъ словомъ противъ разсматриваемой книги. Намъ извѣстны два нѣмецкихъ отзыва въ подобномъ родѣ. Одинъ принадлежитъ нѣмецкому католику, другой нѣмецкому же протестанту.

Первый, вѣнскій профессоръ Рейнгольдъ, пишетъ: „ни одинъ римскій католикъ, дорожащій своимъ релігійознымъ убѣжденіемъ, не можетъ спокойно относиться къ нападкамъ Гарнака на католицизмъ, не навлекая на себя подозрѣнія въ духовномъ идиотизмѣ“ (Vorwort). Вслѣдствіе этого Рейнгольдъ беретъ на себя задачу подвергнуть критикѣ книгу берлинскаго ученаго и приходитъ къ такимъ выводамъ. „Общій результатъ, къ которому склоняется Гарнакъ при своемъ изображеніи христіанства, озадачиваетъ читателя. Это христіанство, по сужденію критика, есть мозаика, произшедшая отъ сліянія натурализма, гуманизма и пѣтизма, которые только потому въ его изложеніи приобрѣтаютъ христіанскую окраску, что онъ уснастилъ свою книгу произвольно избран-

¹⁾ Послѣдніе четыре отзыва заимствованы изъ одной рекламы Лейпцигскаго издателя Гарнаковой „Сущности“.

ными евангельскими текстами. Гарнакъ проводитъ съ своей книгѣ слѣдующія мысли: въ христіанствѣ нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Иисусъ былъ человѣкъ, какъ и всѣ прочіе; ни въ Его рожденіи, ни въ Его жизни, ни въ Его смерти нѣтъ ничего чудеснаго въ собственномъ смыслѣ слова; Онъ умеръ, какъ умираютъ всѣ люди и, подобно имъ, не воскресалъ изъ мертвыхъ. Его гробъ найденъ былъ пустымъ, но куда изчезъ покойникъ, гдѣ онъ истлѣлъ—объ этомъ Гарнакъ ничего не говоритъ. Ему (Иисусу), благодѣтелю чело вѣчества, который принесъ Себя въ жертву за него, не оказано было и того вниманія, какое оказывается даже менѣе значительнымъ личностямъ: останки даже подобныхъ личностей заботливо охраняются и надъ останками ихъ воздвигаются въ знакъ уваженія надгробные памятники, а останки Иисуса безслѣдно потерялись. Онъ проповѣдовалъ благородное нравственное ученіе, основанное на заповѣди о всеобщей любви. Бога Онъ признавалъ своимъ отцомъ и хотѣлъ, чтобы и всѣ люди поступали также, и чтобы они выражали по отношенію къ Богу полную преданность и любовь. Совершенно непостижимая ограниченность Его современниковъ приписывала Ему чудеса, которыхъ Онъ никогда не совершалъ: создала вѣру въ Его воскресеніе, котораго никогда не было, и признала Его Божественнымъ существомъ, чтобы поклоняться Ему. Конечно, Онъ Самъ далъ необходимую опору для Своего обоженія, потому что Онъ постепенно пришелъ къ мысли, что Онъ есть Сынъ Божій въ совершенно исключительномъ смыслѣ, и началъ выдавать Себя за таковаго предъ современниками; при чемъ остается необъяснимымъ съ психологической стороны, какъ происходило въ Немъ развитіе этого убѣжденія.—„Сущность христіанства“, раскрытая Гарнакомъ, есть конечно нѣчто очень простое, она не обременена догматами и имѣетъ лишь одинъ догматъ, что существуетъ Богъ, благой отецъ, и она не требуетъ никакихъ теоретическихъ познаній, подобно исламу съ его ученіемъ: „одинъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ его“, или же подобно религіи краснокожихъ, вѣрующихъ лишь въ „великаго духа“. Это христіанство чуждо какихъ бы то ни было строгихъ предписаній по отношенію къ практической жизни. Оно не требуетъ никакихъ подвиговъ покаянія и ни грозитъ вѣчнымъ мученіемъ. Можно сколько угодно омрачать

свою душу грѣхами и не терять увѣренности, что Богъ милосердъ. Поистинѣ прекрасная, привлекательная и—удобная религія! Она имѣетъ только одинъ недостатокъ: она украшаетъ себя ложнымъ именемъ. *Христіанство Гарнакова не есть христіанство Евангелій.* Изъ цѣльнаго чуднаго зданія истинно-евангельскаго христіанства выбиты нѣкоторые камни и употреблены на построеніе уродливой каррикатуры. Этотъ идолъ облеченъ христіанскою одеждою, но лишенъ христіанскаго духа и жизни. Если Христосъ не былъ истиннымъ Богомъ, то провозглашенная Имъ религія въ основѣ своей имѣетъ сумасбродство, ограниченность и обманъ“...

Въ приведенныхъ словахъ Рейнгольда, въ которыхъ выставлены на показъ всѣ главные абсурды Гарнаковой „Сущности“, заключается, по нашему сужденію, краткая, но безпощадная критика разбираемаго произведенія.

Въ заключеніи вышеприведенной реплики, находимой у Рейнгольда, читаемъ слѣдующія, глубоко справедливыя слова: „Божество Христа, столь выразительно засвидѣтельствованное въ Евангеліяхъ и безъ котораго все содержаніе ихъ превращается въ непонятную, бессмысленную болтовню, знаменитыми профессорами протестантскаго міра отрицается во имя этихъ самыхъ Евангелій; и это отрицаніе, каковое въ первыя вѣка христіанства именовалось отступничествомъ и считалось тягчайшимъ религіознымъ преступленіемъ, у тѣхъ же новѣйшихъ „евангелическихъ“ христіанъ признается важнѣйшимъ условіемъ правильнаго пониманія—чего же? сущности христіанства“¹⁾.

Приведемъ другой отзывъ о книгѣ Гарнака, принадлежащій нѣмецкому протестантскому писателю, Герману Шику. Нужно сказать, что брошюра, откуда мы заимствуемъ этотъ отзывъ, написана въ формѣ открытаго письма по адресу автора „Сущности“. Вотъ этотъ отзывъ. „Опредѣленнаго результата научнаго содержанія въ вашей книги мы не нашли. Въ вашихъ „чтеніяхъ“ встрѣчаются только отрицательные и деструктивные взгляды; они носятъ очень ясную печать, но она не имѣетъ ничего общаго съ сущностью христіанства. Это—книга, обнаруживающая характеристическіе

¹⁾ Reinhold. Eine Eingegnung auf Harnack's das Wesen des Christenthums. S. 92, 93, 96, Wien, 1901.

симптомы все болѣе и болѣе распространяющейся болѣзни времени,—говоримъ о невѣрїи. Въ вашей книгѣ, въ которой вы касаетесь всего круга догматики, вы не оставляете мѣста ни для одного специфически-христіанскаго догмата; несомнѣннѣйшіе факты вычеркиваете вы ошеломляющимъ образомъ, какъ будто бы ихъ совсѣмъ не существуетъ. Кромѣ Бога Отца и проповѣди о Немъ Христа, вы отказываетесь отъ всего, что именуется Откровеніемъ. Ужъ не хотите ли вы совершенно истребить христіанское сознаніе? Вы прямо отказались ото всей христіанской религіи съ ея существенными признаками, съ ея важнѣйшими основными чертами; ибо вы порвали связь со всею совокупностію ученія, принадлежащаго христіанской церкви, съ первоначальнымъ преданіемъ отъ начала до днесь, съ апостольскимъ символомъ, какъ и съ другими христіанскими исповѣданіями, съ ученіемъ о лицѣ Искупителя, съ которымъ все христіанство стоитъ или падаетъ, и т. д. Если согласиться съ вами, то нужно будетъ предать огню всѣ катихизисы, всѣ молитвенники, книги пѣснопѣній и сборники проповѣдей, всѣ христіанскія догматики, упразднить всякое обученіе христіанской религіи, закрыть должность проповѣдника, таинства устранить, всѣ церкви и капеллы, посвященныя тріединому Богу превратить въ прахъ, всѣ христіанскіе обычаи отмѣнить и т. п. Ужъ не должны ли мы приказать нашему духовенству, чтобы оно въ теченіе перваго года проповѣдовало о царствѣ Божіемъ безъ всякаго положительнаго содержанія, въ теченіе втораго—о Богѣ Отцѣ и достоинствѣ души, а на третьемъ — о человѣческой справедливости? Прежде чѣмъ принять такое ваше христіанство, я охотнѣе сдѣлался бы магометаниномъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ я зналъ бы, чѣмъ я дѣлаюсь.... Ваша теологія собственныя ваши мысли признаетъ масштабомъ, опредѣляющимъ, что считать за Слово Божіе, вы относитесь какъ учитель къ христіанству временъ апостольскихъ, и ото всего Христа вы оставляете столько, сколько требуетъ мѣрило вашей вѣры. *Credo ut intelligam*— вотъ вашъ девизъ“¹⁾.

Въ послѣднихъ строкахъ своего „письма“ къ Гарнаку ав-

1) *Schick Herm. Ist das Wesen des Christenthums von A. Harnack wirklich das Wesen des Chr-ums?* S. 45—48. 50. Regensb., 1901.

торъ разсматриваемой брошюры обращается къ берлинской знаменитости съ дружескимъ совѣтомъ покинуть кафедру теологіи (точнѣе: Церковной Исторіи) на богословскомъ факультетѣ. Авторъ пишетъ: „будучи профессоромъ теологіи и узнавши, что мое ученіе діаметрально противоположно ученію и исповѣданію церкви, я, какъ мужчина и христіанинъ, ради чувства чести и совѣстливости, а также изъ страха предъ Богомъ и людьми (?), ни минуты не остался бы на своей должности, но поспѣшилъ бы выйти изъ этого рѣзкаго противорѣчія и сдѣлаться частнымъ ученымъ. дабы я могъ дѣлать, что хочу, принимая отвѣтственность лишь за себя самого“. Само собой понятно, что Гарнакъ не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на эти строки „открытаго письма“ къ нему. Берлинскій церковный историкъ, подобно нашему Толстому, считаетъ себя, конечно, „новымъ апостоломъ“, а свое ученіе „новымъ евангеліемъ“. А апостолы съ евангеліемъ въ рукахъ въ отставку, какъ извѣстно, не выходятъ.

Возможно, что кто-либо, обсуждая сказанное нами выше по поводу книги Гарнака, упрекнетъ насъ за то, что мы избѣгали детальнаго разбора мнѣній берлинскаго профессора. Дѣйствительно, мы не разсматривали детально ни одного изъ мнѣній этого ученаго; но для этого у насъ имѣлись достаточныя основанія. Если бы мы приняли на себя подобное дѣло, то пожалуй никогда бы его не кончили. Вѣдь, намъ въ такомъ случаѣ пришлось бы излагать самыя элементарныя свѣдѣнія почти изъ всѣхъ богословскихъ наукъ, какъ то: исагогикки и экзегетикки Св. Писанія, догматики, нравственнаго богословія, патристики, библейской, древней и новѣйшей церковныхъ исторій, литургикки, каноникки. Но для кого это было бы нужно? Кто не знаетъ этихъ наукъ, тому нужно самому приобрѣсть всѣ необходимыя свѣдѣнія по части названныхъ наукъ; а кто изучалъ ихъ, въ томъ элементарныя свѣдѣнія возбуждать лишь скуку ¹⁾.

1) Какъ элементарно, а слѣд. и непронизительно, ведется полемика противъ разсматриваемой книги и на Западѣ, когда она, не ограничиваясь указаніемъ неправильности въ общей точкѣ зрѣнія этого ученаго, хочетъ войти въ детали по части критики „Сущности“, достаточно открывается изъ тѣхъ двухъ критическихъ брошюръ, съ которыми нѣсколько мы ознакомились уже выше. Положимъ Гарнакъ утверждаетъ.

И такъ мы окончили характеристику новаго Гарнакова труда и намѣтили точки зрѣнія для необходимой оцѣнки

что Иисусъ Христосъ не училъ о Себѣ, что Онъ одного и тогоже существа съ Богомъ Отцомъ. Оба критика, конечно, не соглашаются съ нимъ. При чемъ одинъ изъ нихъ для доказательства правильности своего воззрѣнія, могъ сдѣлать одно: пересмотрѣть всѣмъ извѣстныя мѣста изъ тѣхъ Евангелій, которыя самъ Гарнакъ не отвергаетъ, наприм. Мѣ. 11, 27; 12, 41 и дал.; 16, 21; 26, 64; 28, 10. Лук. 10, 23 и пр. (Schick, 36). А другой, для той же цѣли раскрываетъ, что І. Христосъ прямо именовалъ себя Сыномъ Божиимъ и потому находить нужнымъ входить въ разсмотрѣніе тѣхъ же мѣстъ изъ Евангелія Матеея, которыя привлекалъ уже и первый (т. е. Мѣ. гл. 16 и 26). (Reinhold, S. 12). Далѣе. Если Гарнакъ утверждаетъ, что будто Господь Иисусъ въ своей проповѣди училъ лишь о Богѣ Отцѣ, Себя же Самого не считалъ объектомъ своей проповѣди и не заботился укоренить въ послѣдователяхъ опредѣленнаго и возвышеннаго ученія о собственномъ Лицѣ, то одинъ изъ указанныхъ нами критиковъ для опроверженія этого мнѣнія Гарнакова приводитъ рядъ мѣстъ изъ синоптическихъ Евангелій, наприм. Матѣ. гл. 12, 13, 10, 11, 24, 9, 28. и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „кто станетъ разсуждать такъ, какъ Гарнакъ въ данномъ случаѣ, тотъ долженъ взяться за голову и спросить себя—бодрствую я или брежу во снѣ“ (Reinhold, 9—11). Далѣе. Гарнакъ съ дерзостію, чтобы не сказать болѣе, позволяетъ говорить, что будто Христосъ не имѣлъ въ намѣреніи распространеніе Его религіи между язычниками, усвоивъ себѣ „иудейскую условность“. Критикамъ конечно ничего не стоило доказать полную несправедливость Гарнака и въ этомъ случаѣ. Такъ одинъ изъ нихъ говоритъ: подлинно Христосъ сказалъ Хананеяицѣ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“; но прочтите весь рассказъ до конца и особенно Мѣ. 15, 28—и всякій увидитъ, что Хананеяика, вѣру которой Ему угодно было подвергнуть испытанію, за ея великую вѣру удостоилась того, что просьба ея *была исполнена* (Reinhold, 33). Въ иныхъ случаяхъ критики вынуждены бываютъ указывать, что Гарнакъ въ интересахъ своихъ воззрѣній доходитъ, до того, что утверждаетъ прямо обратное написанному въ Евангеліяхъ, извращая буквальный текстъ ихъ. Приведемъ одинъ примѣръ, но поразительный. Гарнакъ утверждаетъ, что Фома до времени явленія Ему Господа, хотя имѣлъ *вѣру* въ воскресеніе Христа, но *благовѣстія* объ этомъ фактѣ не слыхалъ. Критикамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ, въ удостовѣреніе извращенія Гарнакомъ текста Евангелія, привести самый этотъ текстъ. Такъ одинъ изъ нашихъ критиковъ пишетъ: „у Иоанна, гл. 24, 21 читаемъ: „Фома, одинъ изъ двѣнадцати не былъ тутъ съ ними, когда приходилъ Иисусъ. (Тогда) другіе ученики сказали ему: мы видѣли Господа. Но онъ сказалъ имъ: если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей... не повѣрю“. Безъ сомнѣнія, разсуждаетъ критикъ: Фома вѣрилъ словамъ другихъ учениковъ и значить слышалъ *благовѣстіе* о воскресеніи. Между тѣмъ, по новѣйшему эзегесу слова: „мы видѣли Господа“, нужно, замѣчаетъ иронически критикъ, по-

его. Въ результатѣ получается слѣдующее: Гарнакъ есть то, чѣмъ онъ есть—крайній представитель отрицательнаго и деструктивнаго изученія христіанства. Печальная истина! Но какъ же это такъ? Неужели „благочестивая“ Германія, какъ она любитъ называть себя, зачитываясь новымъ произведеніемъ Гарнака, обнаруживаетъ признаки отступничества отъ христіанства? Неужели 600 студентовъ, которые слушали серію лекцій Гарнака, составившихъ содержаніе разсматриваемой книги—все его соумышленники? Неужели и нѣмецкая пресса, лестно отозвавшаяся о новой книгѣ берлинскаго профессора, признавая ее прекрасной, замѣчательной, такою, какой давно не встрѣчалось, обрадовалась возможности послужить паденію христіанства? Мы никакъ не допускаемъ чего-либо подобнаго. Гарнакъ — имя слишкомъ громкое, а труды его составляютъ эпоху въ исторіи науки. Вотъ простѣйшее объясненіе, почему книга Гарнака или, если угодно, его лекціи приняты съ такимъ чрезвычайнымъ вниманіемъ въ единовѣрной ему Германіи. Часть публики, конечно, увлечена самыми идеями Гарнака, а часть читаетъ книгу и интересуется ею изъ любознательности и даже простаго любопытства, и эта часть, полагаю, самая многочисленная. Да и у насъ развѣ читающіе бого-

нимать такъ: „хотя мы и не видали Господа, подобно какъ и ты, но мы *огримъ* воскресенію“ и пр. (Reinhold, 28). Къ такимъ-то чисто-школьнымъ упражненіямъ приходится обращаться критикамъ Гарнака, при детальномъ разборѣ „Сущности“. Или еще. Какъ мы видѣли въ свое время, Гарнакъ такъ превозноситъ заслуги апостола Павла для христіанской церкви, что въ сравненіи съ этою дѣятельностію отходить на второй планъ дѣятельность самого Господа. Въ виду этого задача критики состоитъ въ разъясненіи, что „Новый завѣтъ дѣла, приписываемыя Гарнакомъ Павлу, относятся къ самому Іисусу Христу“. А для наглядности подобнаго разъясненія критикамъ опять и опять приходится выписывать тексты изъ евангелій Луки и Матѳея (Reinhold, 32 — 33). Въ иныхъ случаяхъ, какъ видимъ, даже съ катихизисомъ въ рукахъ не трудно полемизировать съ Гариакомъ—въ деталяхъ.—При разборѣ Гарнаковыхъ сужденій о „каволической“ церкви и ея свойствахъ, о „греческой“ церкви и ея мнимомъ преклоненіи предъ эллинизмомъ, критикамъ приходится выставлять на видъ самые элементарные факты и свидѣтельства изъ Іустина, Иринея Тертулліана, Евсевія, и проч. (Schick, 63—64 и т. д.).—Говоримъ все это не въ осужденіе критиковъ, а для того, чтобы разъяснить, почему мы сами не хотѣли идти тѣмъ же путемъ.

словскія сочиненія Толстаго—непремѣнно его приверженцы? Одинъ изъ тѣхъ критиковъ сочиненія „Сущность“, о которыхъ упоминалось раньше, называетъ Гарнака теологическимъ „Вашимъ Величествомъ“ (Schick, 60). Конечно онъ приписываетъ такое наименованіе берлинскому профессору въ ироническомъ смыслѣ. Но несомнѣнно въ этой ироніи заключается и большая доля правды. Гарнакъ-великій ученый, знаменитѣйшій профессоръ. Онъ на цѣлую голову выше всѣхъ ученыхъ германскихъ теологовъ нашего времени. Гарнакъ уже тридцать лѣтъ служитъ теологической наукѣ или точнѣе церковно-исторической наукѣ; онъ самъ о себѣ свидѣтельствуемъ, что онъ не новичекъ уже въ наукѣ, когда пишетъ на послѣдней страницѣ разсматриваемой книги: *ich spreche, als einer, der sich dreissig Jahre um diese Dinge ernsthaft bemüht hat.* Въ теченіе многихъ лѣтъ ученой дѣятельности онъ написалъ такую массу превосходныхъ сочиненій, какой не создадутъ въ такой же срокъ и десятеро талантливыхъ ученыхъ. Онъ обладаетъ рѣдкимъ талантомъ глубокаго изслѣдователя: онъ оживляетъ пожелтѣвшій пергаментъ и заставляетъ говорить стертыя буквы манускрипта. Онъ составляетъ, повторяю, эпоху въ исторіи богословской науки XIX-го вѣка и безъ сомнѣнія останется корифеемъ ея и въ текущемъ столѣтіи, пока онъ будетъ живъ. И нельзя вообразить себѣ, насколько обогатитъ и модифицируетъ науку Гарнакъ, если ему посчастливится достигнуть 80-лѣтняго возраста Вирхова? Нужно ли упоминать, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ профессоровъ, пользующагося заслуженной славой, берлинскаго университета. Гарнакъ чуть ли не первый изъ нѣмецкихъ теологовъ занялъ мѣсто въ ряду „безсмертныхъ“ берлинской академіи наукъ. А занявъ кресло члена этой академіи, онъ произвелъ своего рода переворотъ въ самомъ положеніи ея: въ стѣнахъ ея (чего раньше не было) стали читаться рефераты по богословію, а ученые изданія ея раскрыли свои страницы для печатанія на нихъ богословскихъ твореній нашего времени. Гарнакъ, нужно замѣтить, имѣетъ много враговъ: памфлеты, ябеды, доносы, открытая и глухая вражда высшихъ правительственныхъ духовныхъ органовъ перекрещиваютъ пути его ученой дѣятельности. Но все это лишь увеличиваетъ его популярность. Иезуитская печать даже прямо

обвиняла его въ анархическихъ стремленіяхъ. Но гигантъ не будетъ смотрѣть на тѣ камни и колючки, какія попадаются ему подъ ноги. А всѣмъ безчисленнымъ критикамъ своимъ онъ отвѣчаетъ лишь молчаніемъ. Сколько знаемъ, только разъ онъ измѣнилъ своему олимпійскому спокойствію. Какой-то писатель съ именемъ вздумалъ уличать его въ плагиатъ. Ужъ это, конечно, слишкомъ?.. А въ какой мѣрѣ даже въ просвѣщенной Германіи критика бываетъ иногда суетлива и мелочна — это можно видѣть изъ того, что одинъ критикъ уличалъ корифея богословской науки въ неумѣньи толково читать по латыни и по гречески. Но, какъ извѣстно, и злонамѣренная критика часто достигаетъ совсѣмъ другихъ цѣлей, чѣмъ за какими она гоняется. Всякія порицанія по адресу Гарнака лишь умножаютъ его популярность.

Но быть можетъ еще большее значеніе имѣетъ то, что Гарнакъ не замыкается въ узкой университетской аудиторіи и не живетъ лишь кабинетною жизнью ученаго. По временамъ, онъ такъ сказать, отдаетъ результаты, добытые имъ въ области своей науки, въ нѣкоторомъ родѣ на судъ большой публики. Но это происходитъ не изъ желанія суетной славы: слава ни на минуту не покидаетъ его. Онъ хорошо понимаетъ, что наука существуетъ для блага общества, и что та наука, которая служитъ самой себѣ или нѣсколькимъ спеціалистамъ, есть наука эгоистическая, средневѣковая. Достояніе научное, по его сужденію, должно принадлежать всѣмъ или по крайней мѣрѣ многимъ. Изъ такихъ побужденій явилось на свѣтѣ и его сочиненіе: „Сущность христіанства“. „Вотъ что я думаю, или вотъ до чего я додумался, а тамъ, какъ хотите, такъ судите обо мнѣ“—какъ бы съ такими словами обращается Гарнакъ къ публикѣ, издавая свою книгу съ указаннымъ заглавіемъ. Публика, нужно отдать ей справедливость, чутко относится къ обнаруженію дѣятельности своихъ любимцевъ. Отсюда, успѣхъ ихъ предначинаній, а въ настоящемъ случаѣ успѣхъ книги не есть „успѣхъ скандала“, а почетная награда своему фавориту.

Какъ показываютъ нѣкоторыя сочиненія Гарнака въ подобномъ родѣ, онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ историковъ, которые убѣждены, что древность нужно изучать ради

настоящаго. Древность потеряла бы для насъ всякій интересъ и смыслъ, если между нею и нашимъ временемъ нельзя было найти точекъ соприкосновенія. Древность должна служить *намъ*, должна раскрывать что-либо полезное *для насъ*; въ противномъ случаѣ это ветошь, которую нужно выбросить за порогъ. Гарнакъ никогда не станетъ заниматься окоченѣлыми церквами, и представляющими ни для чего не нужный пережитокъ. Ему не улыбается удовольствіе копаться въ историческомъ мусорѣ. Отъ этого, о чемъ бы онъ не писалъ, онъ пишетъ такъ, что въ его сочиненіи находимъ всегда живой отвѣтъ на какойнибудь современный запросъ, на современную проблему, онъ даетъ въ немъ разрѣшеніе какогонибудь серьезнаго научнаго недоумѣнія нашей эпохи. А это приводитъ въ свою очередь къ тому, что всѣ его сочиненія, даже на самыя, повидимому неприглядныя темы, мы читаемъ съ большимъ наслажденіемъ. *Намъ* онъ всѣ очень нужны. Безъ сомнѣнія изъ такой потребности, руководящей Гарнакомъ, возникло и его сочиненіе: „Сущность христіанства“. Онъ хочетъ въ немъ установить прямую связь между давно-прошедшимъ и настоящимъ. Что дано намъ въ древности? Что изъ этого древняго утеряно нами? Что сохранено? Въ какомъ видѣ? Что прибавлено потомъ къ тому, что дано? Хорошо ли это прибавленное? Нужно ли удерживать его—все или частями? Что еще нужно сдѣлать, чтобы усугубить мѣру нашего счастья и достигнуть нравственнаго удовлетворенія? Эти вопросы красною ниткой проходятъ чрезъ все его новое сочиненіе. Вопросы эти *въ высшей степени* интересны; отсюда небывалый интересъ къ лекціямъ Гарнака о „сущности христіанства“, а потомъ и къ его книгѣ, подъ тѣмъ же заглавіемъ. Нѣмецкая публика очень хорошо поняла стремленіе Гарнака. Раскупая книгу на расхватъ, она засвидѣтельствовала тѣмъ благодарность высокоталантливому профессору за его отзывчивость. Появилось много и похвальныхъ рецензій на эту книгу—опять потому, что она пытается дать прямой отвѣтъ на вопросы, давно назрѣвшіе въ средѣ нѣмецкой интеллигенціи.....

Вотъ почему книга съ такимъ содержаніемъ, какъ книга Гарнака, не была попраана ногами, а была прочтена, читается и теперь.

Мы полагаемъ, что книга эта не произведетъ значительнаго переворота въ религіозномъ состояніи Германіи. Если одни изъ читателей, уже подготовленныхъ къ такому роду міросозерцанія, примутъ ея выводы, то другіе, стоящіе на другой точкѣ зрѣнія, станутъ смотрѣть на нее скептически и даже строго. Образецъ этихъ послѣднихъ взглядовъ нами былъ указанъ выше.

Иное дѣло у насъ, въ Россіи. Если бы здѣсь она могла найти себѣ распространеніе, она была бы принята нашей интеллигенціею, ни подготовленною критически относиться къ подобнымъ явленіямъ, какъ послѣднее слово науки, а слѣдовательно наиболѣе несомнѣнное.....

А. Лебедевъ.

1901, сент. 12.

Московскій Университетъ.
